

На время к обширной коллекции голландских художников в Эрмитаже добавится еще один — Мауриц Корнелис Эшер. Его известность в мире огромна. Его графические работы отражают и выражают особенности парадоксального мышления XX века. Они выражают чудеса математики, удивительные превращения, которые могут происходить с пространством и с нами в пространстве. Рисунки Эшера кажутся абсолютно логичными и тщательно вымеренными. Но эта вымеренность и суперлогичность вдруг переходят в завораживающую мистику, которая превращает всю эту логику с геометрией в волшебство. Волшебство, которое, развлекая, рассказывает об абсолютном.

Картины Эшера затягивают зрителя, погружают его в странные завихрения пространства, заставляют его то идти, то бежать, то сидеть, поворачивают и переворачивают его, демонстрируя всю сложность казалось бы простого и четкого механистического мира, в котором мы живем. Мало есть на свете произведений изобразительного искусства, которые так затягивают

в себя зрителя. Внутри них очень интересно, уходить не хочется, да и не очень-то удастся сделать это по своей воле. Мир наш сложнее, страшнее и интереснее, чем кажется на первый взгляд.

Все искусство XX века выглядывает из работ Эшера — гиперреализм, сюрреализм, концептуализм, постмодернизм и так далее и так далее. Его картины кажутся умными иллюстрациями к новейшим научным теориям, но при всей их современности они нормально традиционны, и традиционны — по-нидерландски. В них находят свои отзвуки и натюрморты-обманки, и комнаты-картины, и обычные натюрморты и пейзажи. Нидерландская тщательность, сочетающаяся с нидерландской же тайной и ужасом правильных форм и пространств.

Эрмитажные старые голландцы находят себе удивительно симпатичное и новое продолжение.

М.Б. Пиотровский,

директор Государственного Эрмитажа

A New Dutch Old Master

The impressive collection of Dutch art housed in the Hermitage is going to be temporarily supplemented by the work of yet another master, Maurits Cornelis Escher. His worldwide reputation has become firmly established. His graphic work is both a reflection and an expression of the paradoxical way of thinking characteristic of the twentieth century. It demonstrates the wonders of mathematics as well as remarkable transformations of space and our spatial existence. Escher's prints seem to be perfectly logical and deliberately calculated. However, his deliberation and cold logic suddenly turn into bewitching mysticism, which transforms consistency and geometry into sheer magic. A magic of the kind that remains entertaining even though it deals with rigid absolutes.

Escher's art captivates the viewers, drawing them into strange spatial whirlpools where they are urged to walk, run or sit, turn round or tumble over, for it reveals the complexity of the seemingly ordinary and clearly mechanistic world we live in. There are few works of art in the whole world so expressly capable of involving the viewer. The involvement is so fascinating that one is reluctant to

break the spell and sometimes unable to do so of one's own accord. Our world appears to be more complicated, awesome and attractive than it may seem at first sight.

All of the twentieth-century art trends show themselves in Escher's work: hyperrealism, surrealism, conceptual art, postmodernism, and so on, and so forth. His prints look like sophisticated illustrations of recent scientific theories, but, no matter how modern, they remain traditional: traditional in the Netherlands sense. They are reminiscent of vanitas still lifes, pictures of interiors, conventional still lifes and landscapes. The meticulous Netherlands virtuosity and the mystery of the Netherlands manner combine with the artist's distinct dread of regular forms and spaces.

Therefore, the Old Masters of the Dutch school represented in the Hermitage have found a strikingly congenial and innovative follower.

Mikhail Piotrovsky,

Director of the State Hermitage Museum